

Глава 7

Одно лишь слово: «Брат»

Многодневная скачка и бесконечные тревоги остались позади. Лишь оказавшись дома, под защитой старшего брата, юноша наконец-то позволил себе расслабиться. Он забрался на кровать и проспал до самого полудня.

Когда он открыл глаза, солнце уже начало клониться к закату. Минь сонно потер веки и, обхватив руками одеяло, сел. Из-за ширмы доносились тихие звуки — там, во внешней части комнаты, находился Хань Ши.

Брат сидел перед письменным столом и что-то сосредоточенно писал, медленно и тщательно выводя каждый штрих.

Хань Минь откинул одеяло, собираясь встать. Услышав шорох, Хань Ши обернулся:

— Проснулся?

— Угу.

Накинув на плечи верхнее платье, Хань Минь принялся затягивать пояс на ходу. Он подошел к брату и заглянул ему через плечо:

— Что ты пишешь, гэ?

Он присмотрелся внимательнее и охнул:

— Это же...

У Системы была функция «спойлеров». Еще до того, как дом Хань подвергся опале и обыскам, Тунцзы предупредил его, что грядут большие беды. Правда, тогда объяснения были туманными и путанными, поэтому юноше пришлось готовиться сразу к двум вариантам развития событий.

Во-первых, он изо всех сил старался предостеречь родных, надеясь, что осторожность поможет избежать катастрофы.

Во-вторых, он втайне начал откладывать деньги. Его планом на крайний случай был побег всей семьей на юг, за море, на остров Рюкю.

Избежать беды не удалось, но и сбежать не получилось — в итоге они осели в Тунчжоу. Тайные сбережения у него остались, но Хань Минь понимал: если только тратить и ничего не зарабатывать, рано или поздно казна опустеет.

Будучи сыном опального чиновника, он не мог рассчитывать на достойную службу — никто не осмелился бы его нанять. К счастью, дедушка Хань больше десяти лет лично следил за тем, как внук упражняется в каллиграфии. Почерк у Миня был превосходным, и последние два года он подрабатывал тем, что писал за других письма или копировал книги.

Перед самым отъездом в Лючжоу он взял заказ на копирование рукописи, но из-за срочных дел работа встала. И именно её сейчас заканчивал Хань Ши. Видимо, брат решил, что Минь и так натерпелся в дороге, и захотел помочь ему, переписав несколько страниц.

— Гэ, оставь, — мягко сказал Хань Минь. — Я сам закончу чуть позже.

Хань Ши отложил кисть:

— Твой почерк ужасно трудно подделать.

— Просто ты привык держать в руках меч, а не кисточку...

Младший брат осекся, поняв, что сболтнул лишнее, и украдкой взглянул на Хань Ши. Но тот, казалось, вовсе не обиделся. Он лишь вздохнул:

— Если бы я знал, к чему всё придет, я бы не сбегал играть, когда дедушка заставлял нас практиковаться в детстве. Впрочем... есть еще кое-что, о чем я хотел тебя спросить.

Он отложил в сторону готовую рукопись и выудил из стопки на самом дне несколько листов.

Лицо Хань Миня вмиг изменилось. Он же спрятал это в самый низ, как брат умудрился их найти?

Хань Ши разложил листы на столе. Это был черновик книги, и на заглавной странице крупными иероглифами красовалось название:

«Пара историй о Государе и цензоре»

Разумеется, это не имело ничего общего с действительностью — настоящему императору Великой Ци было уже за пятьдесят. Хань Минь всё выдумал сам. А судя по названию, нетрудно было догадаться, о чем именно повествовала рукопись.

— Несколько дней назад я хотел помочь тебе с переписыванием и случайно наткнулся на это, — Ши постукал пальцем по бумаге. — Что это такое?

Хань Минь потер кончик носа и виновато отвел взгляд:

— Ну... это...

— Я-то гадал, почему сумма заработанных тобой денег никак не сходится с объемом переписанных книг.

— Это только первая часть! — тихо возразил юноша.

Хань Ши вскинул брови:

— Хм?

Голос Хань Миня стал еще тише:

— Раньше я только дописывал чужие повести, а это первая книга, которую я сочинил сам от начала и до конца.

Брат не выдержал и рассмеялся:

— Так ты, оказывается, опытный сочинитель с многолетним стажем?

— А как же!

Хань Ши еще раз хмыкнул и положил листы обратно:

— Ладно. Пиши, раз уж взялся, другого выхода всё равно нет. Только смотри, чтобы дедушка не прознал.

Хань Минь поспешно накрыл рукопись лежавшей рядом книгой:

— Знаю.

— Послушай, — прищурился Хань Ши, — а этот цензор Вэнь в твоей книге... Ты ведь списал его с Вэнь Яня?

— Как ты догадался?

— Да ты совсем за дурака меня держишь? У него в повести даже фамилия такая же — Вэнь. А из всех Вэней мы знаем только одного.

— Ох, и правда. Может, тогда сменить фамилию на... Хань? Которая «стужа»?

Хань Ши нахмурился:

— А Государь из твоей книжки? С кого списан он?

— С принца Дина, разумеется, — с непоколебимой уверенностью ответил Хань Минь.

— И ты хотел сменить цензору фамилию на Хань? Хань Минь, ты совсем...

— Гэ! Литературное творчество и реальная жизнь — это разные вещи! И я имел в виду «Хань», которая означает зимнюю стужу — ну, в пару к «Вэнь», которая «тепло». Небо против земли, горы против воды, тепло против холода!

— Вот как?

— Именно так.

— Что ж, ладно. Главное — будь осторожен и не попадайся деду на глаза.

— Угу.

Хань Ши наблюдал, как брат старательно прячет рукопись. Когда дело было сделано, он добавил:

— Я оставил тебе еду, она греется на печи. Ступай поешь.

Он протянул руку и сжал ладонь младшего брата. У Хань Ши на ладонях и у оснований пальцев была полоса мозолей — кожа человека, привыкшего сжимать рукоять меча.

— Что такое? — спросил Минь.

Хань Ши покачал головой, чувствуя, как в груди разливается глухая тоска.

Хань Минь крепко сжал его руку в ответ и улыбнулся:

— Всё в порядке, гэ. Мне и правда нравится писать эти истории.

Брат отпустил его, велел идти завтракать. Дождавшись, пока Минь скроется за дверью, он тяжело вздохнул.

Оперевшись на трость, стоящую у стены, он зацепил её набалдашником кресло-коляску и подтянул к себе. Затем, с видимым трудом, Ши приподнялся на руках и буквально рухнул в кресло, облегченно выдохнув. Это простое движение заставило его вспотеть — на кончике носа выступили бисеринки пота.

***

В кухонном очаге еще теплились угли, согревая котелок. Хань Минь умылся и принялся за еду прямо там, на кухне. Как раз в этот момент вернулась госпожа Юань с полной корзиной продуктов.

— Сын, ты уже встал?

— Угу.

Матушка поставила корзину на пол:

— Подожди немного, я сейчас пожарю тебе яйцо.

— Не нужно, матушка, я и так сыт.

— Это быстро. Тебя так долго не было дома, совсем исхудал, смотреть больно.

— Принц Дин меня голодом не морил, — проворчал Хань Минь.

Но госпожа Юань уже засучила рукава и достала из корзины яйцо.

— Будешь?

— Буду. Только не всмятку, поджарь его получше, чтобы края хрустели.

Матушка рассмеялась. Юноша отправил в рот ложку каши, немного помолчал и нерешительно начал:

— Матушка, а гэ...

— Что такое? Брат тебя обидел?

— Нет, я про его ноги...

При этих словах госпожа Юань помрачнела. Она помолчала, а затем, стараясь казаться беззаботной, ответила:

— Ну и что в этом такого? Я его и таким выращу. Он ведь и в детстве был таким же — моим любимым сыном.

— Я к тому... как было бы хорошо вернуться в Юнъань. Лекари в Тунчжоу бессильны, но старый императорский лекарь Лян наверняка смог бы помочь.

— Да... Господин Лян, пожалуй, справился бы.

Матушка перевернула яйцо на сковороде. Вздохнув, она спросила:

— Я знаю, почему ты поехал в Лючжоу. Хотел отплатить принцу за добро, что он сделал для нашей семьи, да за людей пострадавших переживал. Но ответь матери на один вопрос, и не суди строго за корысть... Когда ты был там, что принц Дин сказал о нашей участи?

— Ваше Высочество велел мне не беспокоиться.

— Значит ли это, что нас оправдают?

— Думаю, да.

Госпожа Юань облегченно выдохнула:

— Вот и славно.

— Я всё думаю... — продолжал Минь. — Господину Ляну уже под шестьдесят, через пару лет он выйдет в отставку и уедет со службы. Как раз к тому времени нас должны оправдать. Я тогда сдам экзамены, получу какую-нибудь должность, хотя бы секретаря в уезде...

Матушка подхватила яйцо лопаткой и положила его в миску сына:

— Ешь, пока горячее.

— Старый императорский лекарь Лян родом из Янчжоу, — не унимался юноша. — Вот я и попрошусь на службу в те края. Он видел, как мы с братом росли, если я слезно его упрошу, он ни за что не откажет.

От его слов на душе у матушки потеплело, появилась надежда, но она старалась этого не показывать. Она боялась: а вдруг ничего не выйдет? Тогда разочарование сына будет слишком горьким. Поэтому она лишь улыбнулась:

— До этого еще далеко, а ты уже всё распланировал.

— Я еще хочу найти и вернуть те сундуки с рукописями дедушки, что у нас отобрали, — вполголоса добавил Хань Минь.

При этих словах госпожа Юань вмиг переменялась в лице, её взгляд похолодел:

— Из-за этих проклятых бумаг ты уже один раз угодил за решетку, а всё никак не уймешься!

— Матушка, меня посадили вовсе не из-за рукописей! Государь и так затаил на нас обиду. Были бы те бумаги или нет — мне всё равно пришлось бы побывать в темнице...

Матушка отмахнулась, не желая слушать оправдания:

— Ешь давай, хватит болтать!

Он подул на горячее яйцо и откусил кусочек.

— Я не против того, чтобы ты лечил брата, — строго произнесла госпожа Юань. — Но эти рукописи — просто безжизненные вещи. Будь их хоть сотня, хоть тысяча сундуков — они не стоят ни тебя, ни твоего брата. И дедушка твой считает точно так же.

— Я знаю.

Но эти рукописи были трудом всей жизни дедушки Ханя. Хань Минь с самого детства видел, как старик бережно складывал в эти сундуки всё, что выходило из-под его кисти. И как книжник, Минь до боли в сердце жалел об их утрате.

***

После обеда Хань Минь вернулся к себе, чтобы разобрать дорожный узелок. Вещей у него было немного: сменное платье да походный футляр с кистями и тушью.

Лишь в самом конце он заметил, что на дне узелка, аккуратно прикрытые вещами, лежат три банковских билета и купчая на землю.

Видимо, Фу Сюнь подложил их, когда Минь не видел. Теперь вернуть их не было никакой возможности.

Он встал и подошел к книжным полкам в углу. Там теснились тома из личной библиотеки дедушки — то небольшое, что удалось спасти. Книг было так много, что часть из них громоздилась стопками прямо на полу.

Юноша отодвинул стопку свитков и достал из тайника за ними деревянный ларец. Внутри лежали два слитка серебра и несколько связок медных монет. Эти деньги Хань Минь успел скопить еще до опалы. Когда-то ларец был полон до краев, но за два года жизни в нужде от богатства осталось лишь это.

Он положил банковские билеты и купчую на самое дно ларца.

«Ты не собираешься их тратить?» — подала голос Система.

«Оставляю на черный день, — резонно рассудил Хань Минь. — А что до земли... Сейчас зима, переезжать и хлопотать слишком трудно. Подождем до праздника Нового года»

«Знаешь, — добавил Тунцзы, — мне кажется, принц Дин сейчас к тебе очень добр»

Хань Минь закрыл ларец: «Мне тоже так кажется»

«Тогда почему ты думаешь, что твой предел — стать мелким чиновником в уезде?»

«Служба при дворе — удел либо знатных семей, либо тех, кто блестяще сдал экзамены. Большинство выпускников Академии начинают именно с должностей секретарей или помощников судей»

«А ты пофантазируй смелее! Вдруг принц Дин просто назначит тебя на высокий пост?»*

«Вряд ли это сработает»

«Почему?»

«Тебе не понять»

Хань Минь спрятал ларец, сел за стол и принялся растирать тушь, готовясь к работе. Оперев голову на руку, он спросил Систему: «Тунцзы, ты знаешь, почему господин Вэнь Янь повсюду следует за принцем Дином?»

«Ну, он его советник и помощник»

«А почему он решил стать его советником?»

«Откуда мне знать?»

«Потому что титул хоу в его семье должен был закончиться на его поколении — двор собирался его аннулировать. Чтобы спасти положение семьи и сохранить титул, он сразу после смерти Наследного принца выбрал сторону Фу Сюня. Если даже сын знатного дома идет на такие жертвы, как я могу рассчитывать на чин просто так?»

Тушь была готова. Хань Минь отложил брусок и обмакнул кисть. Помолчав, он добавил: «Вообще-то, в этом всё виновата ты»

Система возмутилась: «Это еще почему?!»

«Потому что ты только и твердила: «Принц Дин станет императором». А КТО именно из них принц Дин — не сказала! Из-за тебя я упустил время и не успел вовремя наладить отношения с Фу Сюнем»

«Это ты его не узнал...»

«Да кто бы его узнал?! В детстве он был тем еще толстячком! Среди дюжины принцев я на всех смотрел, но только в нем ни за что бы не разглядел будущего владыку. Кто же знал, что он так... вытянется и переменится, когда повзрослеет?»

«Даже если не узнал, зачем было с ним драться?»

«Он тоже меня бил! И вообще, тогда он сам нарывался! Он заявил, что...»

Хань Минь в сердцах уронил голову на стол.

Что же тогда сказал Фу Сюнь?

Семилетний пухляш Фу Сюнь ткнул его пальцем в плечо и важно произнес:

«Я — Третий принц. А ты чей будете? Что-то я тебя раньше не видел. Ладно, так и быть: назови меня «Третьим старшим братом», и я возьму тебя в свои приспешники»

Хань Минь тогда лишь захлопал глазами:

«Ни за что!»

Минь наотрез отказался, а Фу Сюнь во что бы то ни стало решил сделать его своим слугой. Кончилось всё дракой: они скатились с декоративной горки в саду, Хань Минь сломал руку, а Фу Сюнь — ногу. Старый императорский лекарь Лян тогда положил их в одну палату, чтобы лечить.

Они провели бок о бок четыре месяца, но так и не помирились. С той самой стычки и началось их противостояние, затянувшееся на долгие годы — от императорского дворца до стен Академии.

Поэтому в памяти Хань Миня их отношения с Фу Сюнем всегда были, мягко говоря, натянутыми. В детстве они постоянно ссорились и шумели, порой дело доходило до тумаков, так что взрослым приходилось их разнимать. Повзрослев, оба научились сдержанности. Особенно Фу Сюнь — он стал мастером скрывать свои чувства. И лишь благодаря этим внешним приличиям их вражда на людях немного утихла.

Сейчас Хань Минь кусал локти от досады.

«Если бы я тогда согласился, всё было бы иначе. Сказать «Третий старший брат» совсем не трудно, ну почему я запрямился? Еще и подрался с ним...»

Система пафосно провозгласила: «А ну-ка соберись! Настоящий книжник должен быть силен духом и полагаться только на себя!»

Хань Минь сполз со стула и, извиваясь на полу как выброшенная на берег рыба, простонал:

— Всё, я больше не хочу стараться. Как думаешь, если я сейчас триста раз назову Фу Сюня «Третьим братом», он еще согласится взять меня в приспешники?

<http://bllate.org/book/15310/1354293>